

Т.В. Смирнова

Этот рассказ я записала еще в 1985 году. Наталья Дмитриевна Винокурова Много лет проработала в Абрамцевском художественно-промышленном колледже имени В.М. Васнецова. Преподавала скульптуру и обработку камня.

Рассказ ветерана

– Девочка, а мама знает, что ты из дому уехала? Сколько тебе лет?

– Мне уже 18, товарищ командир. – Я уже взрослая.

И вот через две недели – присяга. Военная форма. Пензенское артиллерийское училище. В казарме нас 350 девушек. Почти каждую ночь тревога. Нет, не бомбежки – сразу надо решить задачу по математике. А днем стрельбы. Через пять месяцев – экзамены. 18 предметов. Звания – по отметкам. И вот я – лейтенант.

Но оставили в тылу. А я ведь хорошо училась! Решила: сбегу на фронт. С танковой армией. Нет, не боялась: девчонок в штрафбат не отправляли. Но вернули назад. И вот, наконец, 6 ноября 1942-го я на фронте. 61 армия, 547 минометный полк.

В полку нас, девушек, только двое – я, командир боевого взвода, и Маруся Вдовенко, медсестра. По 19 лет нам.

Помню, взяли Орел. 5 августа 1943-го. 4 часа утра. На окраинах еще бой, а мы на улицах пляшем. Потом Брянск, Гомель, Западная Белоруссия. За взятие Пинска нашему полку присвоили звание Пинского. Болота там. Не окопаешься. На пол-лопатки саперной копнешь – жижка желтая хлещет. Кони вязнут. Мне лошадь была положена. Я верхом хорошо ездила, да редко приходилось. Ведь

орудия на полколеса в земле вязли. На руках ребята вытаскивали. Ну и припряжешь свою лошадь, чтоб орудие тянула.

Нет, страшно не было. Об этом обычно не думаешь. Стреляешь, смотришь в бинокль, поправляешь. И опять:

– Огонь!

А потом спать замертво валишься. Ведь за день порой мы 75 километров проходили. Это уже в 1944-м. Упадешь на землю, только плащпалатку подстелешь.

Вот когда я стала командиром взвода дивизионной разведки, тогда был случай, когда испугалась. Идем мы через нейтральную полосу. Луна проклятая! С тех пор ее ненавижу. Нас восемь человек. Идем кошачьим шагом. Слышим говор. Немцы! Тут траншея какая-то. Мы в нее. Нельзя было обнаруживать себя. Затаились. Я спиной в траншею вжалась. Вижу сапоги. Две гранаты у меня, лимонки. Семь патронов в нагане. Гранаты бы успеть бросить! Шесть патронов выпустить. Седьмой – себе. И главное – луна-собака светит. Перешагнули сапоги траншею. Дождались мы, пока они не ушли далеко. Оказалось – все одинаково думали: последний патрон – себе.

И еще случай был. На мину боец наступил, противотанковую. Она, как орловский хлеб. Ничего от того бойца не осталось. А я стою, левой руки не чувствую. Оторвало руку, думаю. Правой рукой наган вынула. Не буду жить без руки. Тут Маруся Вдовенко ко мне подскакивает, кричит:

– Ты почему перевязывать не помогаешь?

– Руку у меня оторвало.

– Да вот же она, сует мне руку под нос.

Осушило мне руку от взрыва. Стала бойцов перевязывать.

Маруся погибла потом.

А бывало, смеялись мы. Как-то летом после боя курить было нечего. Мы с лейтенантом Ваней Белокуром решили пойти к зенитчикам – табаку попросить. Идем траншеей. А траншея в ржаном поле. Я васильки рву. Ваня

прутиком по сапогу похлопывает. Подняла я голову: немец стоит. Метров двадцать до него. Он должно быть растерялся. Видит: идут два советских офицера, в полный рост, не скрываясь. Прямо к немцам. Выстрелил с запозданием. Оказалось: не в ту мы сторону пошли. Направление перепутали. Долго над нами смеялись тогда:

– Вот так прикурили!

Запомнилось, как Днепр переходили. Там понтонные мосты были. И еще канаты натянуты. Я по канату перебиралась. Обхватила его руками и ногами. Мы до войны еще таким спортом увлекались. Вода в Днепре красная...

А потом мне на островок попасть надо было. Там машина наша с боеприпасами стояла. Я вплавь. А немцы бомбят. Бомбы летят, маленькие такие. Кажется, прямо в меня. Нырнешь, чтобы осколками не задело. Вынырнешь – опять бомбочки летят. А на островке взвод прачек оказался. Немцы бомбят, а они под машиной с боеприпасами спрятались. Тут командир их появился. Одной прачки – видит, нет.

– Где она?

А она заплакала, что сейчас убьют. И не узнает она, что такое любовь. И к Васе своему побежала. Посмеялись мы. А потом узнала я: после войны они как-то разыскали друг друга, поженились.

Через села белорусские мы шли. Сожженные. Жители, кто жив, в леса попрятались. Мы им пайки свои отдавали. Детишек кормили из походных кухонь. Немцы ведь когда уходили, и хлеб жгли, и скот, и людей, кто в лес не успел убежать.

А многое и вспоминать не хочется. Забыть бы. Колодец, детьми доверху набитый. Трупы солью присыпаны. И как у бойца взрывом глаза выбило – на глазных нервах висели. Концлагерь в Западной Пруссии. наших пленных там немцы проволокой руки скрутили по двое, по трое, бензином облили и подожгли. Трупы их обгоревшие там лежали.

А вот еще под Орлом было. Я в амбар зашла. А там наш боец-разведчик висит вниз головой. За пяточные сухожилия его подвесили. Живой еще был. Умер потом.

Ну, а наш Пинский полк шел дальше – в Польшу. Белосток брали, Краков. Шесть километров я до Варшавы не дошла. Снаряд разорвался рядом, на бруствере. Нас несколько человек в окопе было. Откопали. Нос, и рот, и уши – землей забиты. Контузило меня. Слух только через несколько дней восстановился. Не пошла я в госпиталь. Направили меня тогда в запасной офицерский полк. Заикалась я сильно. И теперь, когда сильно разнервничаюсь, заикаюсь. Вот как-то хотела молока в нашем магазине взять по ветеранскому билету, так какая-то молодая женщина закричала мне:

– И когда же вы все ветераны сдохнете?!

Несколько дней после этого я заикалась. (Рассказ в 1985 году записан)

Меня же тогда, в конце 1944-го послали на медицинскую комиссию в Москву. Признали негодной к строевой службе, демобилизовали. И сейчас мне жаль, что до Берлина дойти не удалось. А полк наш Пинский за Берлин тяжелые бои вел. Узнала потом, что мало в живых осталось.

Опул. Подмосковный летописец. 2015. № 2. С. 6–7.

Иллюстрации

1. Винокурова Наталья Дмитриевна
2. Винокурова Н.Д. Скорбящая. Гипс.

Винокурова Н.Д. Скорбящая. Гипс.